

Любовь Клочко

Реконструкция костюма женщины из боковой могилы Большого Рыжановского кургана

Все стороны жизни общества более всего сконцентрированы в таком явлении культуры, как костюм. В нем заложена информация о социально-экономических процессах, технологических достижениях, особенностях духовной жизни этноса, его эстетических идеалах, его бытовом укладе, взаимосвязях с другими народами.

Тема „Скифский костюм” давно заинтересовала скифологов. Так, известный исследователь М. И. Ростовцев, еще в 1917 году рассматривая находки из курганов Северного Причерноморья, выделил в отдельную категорию золотые изделия, которые украшали поверхность головных уборов. Среди этих материалов были и декоративные фрагменты из Большого Рыжановского кургана (далее = БРК). Как раз они, в большей мере, чем находки из раскопанных к тому времени курганов, стали основой для реконструкции „эллино-скифского” головного убора¹.

Убранство скифов во всем многообразии форм мы можем представить по памятникам письменности, произведениям изобразительного искусства, исследуя фрагменты головных уборов, одежды, обуви, декоративные элементы. Одним из методов изучения морфологических и семантических характеристик компонентов костюма можно назвать реконструкцию разных элементов костюма. Ведь реконструкция — во многих аспектах однородна с такой гносеологической категорией как моделирование — воссоздание параметров объекта на его модели. Оно позволяет выявить функциональные и художественные особенности объекта моделирования, проверить правильность гипотетических допусков, установить их рамки.

В русле воссоздания форм отдельных компонентов костюма с целью их изучения работали (а также продолжают работать) разные исследователи. Библиография трудов, написанных с 1917 г. до настоящего дня, которые посвящены скифским нарядам (головным уборам, одежде, обуви, украшениям), включает не один десяток названий.

Рассматривая материалы для реконструкции головных уборов, такие исследователи как Г. Н.

Боровка², Т. В. Мирошина³, Л. С. Клочко⁴, принимали во внимание и находки из боковой могилы БРК. Кроме того, отдельные категории ювелирных изделий, найденные здесь: серьги, ожерелье — фигурируют в различных обзорах, посвященных украшениям Скифии⁵. Подробная публикация материалов представлена Г. Оссовским⁶. Она содержит определенные сведения для реконструкции наряда юной особы, погребенной в БРК. Анализ декоративных изделий, которые отражают особенности костюма, может стать основой для восстановления ее головного убора, одежды, обуви.

Итак, начнем с „головы”, так как головной убор играет особую роль: воплощает знаковые функции костюма. На основании изображений, а также изучения украшений, найденных в женских захоронениях на территории Скифии, известно, что в парадных костюмах чаще всего можно видеть различные варианты сочетаний таких видов уборов, как ленточные, шапки и покрывала (Табл. II). И хотя, в силу разных обстоятельств до нас дошла только часть фрагментов из оформления наряда скифянки, похороненной в боковой могиле БРК, некоторые детали свидетельствуют, что ее убор был сложным, т.е. состоял из двух или трех частей.

Так, в наборе золотых изделий, которые традиционно относят к украшениям головных уборов, привлекает внимание длинная полоса (длина 40 см, ширина 4,2 см) с рельефными узорами на поверхности. По верхнему краю и по бокам предмета пробиты отверстия. (Табл. I, 1) В нашей литературе подобные находки еще со времен М. И. Ростовцева

² Боровка Г. Н., Женские головные уборы Чертомлыцкого кургана, „ИГАИМК”, 1921, т. 1, с. 169–192.

³ Мирошина Т. В., Скифские калафы, „СА”, 1980, № 1, с. 30–45.

⁴ Клочко Л. С., Гребенников Ю. С., Скифский калаф IV в. до н.э. [в:] „Материалы по хронологии археологических памятников Украины”, Киев 1982, с. 86–96.

⁵ Петренко В. Г., Украшения Скифии VII–III вв. до н.э., Москва 1978, с. 32.

⁶ Ossowski G. Wielki kurhan Ryżanowski według badań dokonanych w latach 1884 i 1887, Kraków, 1888, с. 1–43.

¹ Ростовцев М. И., Степанов П. К., Эллино-скифский головной убор, „ИАК”, 1917, Вып. 63, с. 72.

получили название метопид⁷. Они выделены в отдельную категорию как украшения для оформления налобных повязок. Сейчас известно достаточно много метопид⁸. Все они сходны между собой, во-первых, схемой размещения орнаментов, которые нанесены в виде рядов — более широкий основной фриз, подчеркнут узкими бордюрами обрамления; во-вторых, способом использования, о котором говорят дырочки сверху и по бокам: через них золотые полоски-метопиды прикрепляли к матерчатым лентам. В то же время, метопиды различаются размерами (их длина колеблется от 30 до 40 см, а ширина — от 2 до 5 см) и орнаментальными схемами. Выделены 4 группы узоров на центральном ярусе: растительные, зооморфные, смешанные и геометрические — они однородны по содержанию, так как изображают символы божеств плодоносящих сил природы.

На рыжановской ленте оттиснута композиция: пальметка с цветами, гиппокалы, стилизованные головы хищных птиц. Основной орнаментальный фриз подчеркнут снизу бордюром из полуов, а сверху — так называемым „жемчужником”. Это традиционные для античного прикладного искусства обрамления, которые имели обереговую роль.

Художественно-образные характеристики рыжановской метопиды позволяют поставить ее в один ряд с находками из Деева, Львовского, Чертомлыцкого курганов, Толстой Могилы⁹.

Рассмотрим другие украшения, чтобы определить для какого вида головных уборов они предназначены. Наиболее информативна в этом плане прямоугольная пластина с дуговидно изогнутым верхним и нижним краями (длина снизу — 135 мм, сверху — 170 мм, ширина 50 мм). На ее поверхности изображены рельефные фигурки пяти танцующих менад в развевающихся одеждах, характерных для гречанок; четверо повернуты попарно друг к другу и к тирсу (он выглядит, как деревце с листиками и завершением в виде бутона). Его держит в правой руке одна из менад. В ее левой руке — голова барана. Фриз обрывается изображением пятой фигурки — с мечом в правой руке и козлиной ногой в левой. (Табл. I, 2)

Среди находок из скифских курганов нет изделий, тождественных этой пластине. Ее обрис напоминает украшение головного убора из кургана Старший Брат (группы Трехбратных курганов на территории Крыма) (Табл. I, 10)¹⁰. Сюжеты на ее поверхности М. И. Ростовцев сопоставлял с изображениями на пластинах — аппликациях от головных уборов из курганов Большая Близница и Деевом¹¹. Он отметил, что все „вакханки” сходны между собой, но аппликации из Деева и Рыжановского захоронений, вероятно,

⁷ Ростовцев М. И., Указ. соч.

⁸ Кличко Л. С., *Скифские налобные украшения IV—III вв. до н.э.*, „Новые памятники древней и средневековой художественной культуры”, Киев, 1982, с. 37–53.

⁹ Кличко Л. С., Там же.

¹⁰ Кирилин Д. С., *Трехбратные курганы в районе Тобе-чикского озера*, „Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья”, Ленинград, 1968, с. 183. Ср. с данными в статье С. Скорого, помещенной в этом журнале.

¹¹ Ростовцев М. И., Указ. соч.

сделаны одним штампом. За последние 30 лет аналогичные рельефные пластины найдены еще в некоторых женских погребениях: в курганах Гайманова и Денисова Могила, № 8 (п. 2) у с. Водославка Херсонской обл.¹² Они сделаны различными штампами, то есть сейчас нам известно о существовании четырех вариантов оттисков (не считая пластины из Большой Близницы). По мнению некоторых исследователей, это свидетельствует о большом спросе на подобные украшения головных уборов¹³.

В наборе элементов оформления убора из БРК есть еще три пластинки: четырехугольная, на ее поверхности нанесен узор из цветов и листьев, по периметру пробиты дырочки, через которые ее закрепляли на поверхности (размеры: 54×39 мм) (табл. I, 3).

— сложной конфигурации с растительным орнаментом: верхний край дуговидно изогнут (длина — 120 мм), а нижний — вырезан под прямым углом. (высота в широком месте — 23 мм) (табл. I, 4);

— четырехугольная (фрагмент) с оттиснутым изображением грифона. Сохранился обрывок, размеры которого 50×30–35 мм (табл. I, 5)

Аналогии представленным декоративным фрагментам можно увидеть в коллекциях находок из курганов степного и лесостепного ареалов Скифии и по форме, и по сюжетам, но идентичных нет.

В перечне декоративных средств из „рыжановского” комплекта мы видим такие детали, которые можно назвать традиционными для уборов цилиндрической формы.

Одна из них — „полоска с подвесками на стойках” (как назвал ее М. И. Ростовцев) — представляет собой узкую длинную ленточку (длина 206 мм), перпендикулярно к которой припаяны крючки с подвешенными „бутонами” (табл. I, 6). Подобные украшения найдены в курганах Чертомлык (в составе наборов изделий, предназначенных для четырех „скифских каладов”)¹⁴, Деев, Куль-Оба¹⁵, Бабина Могила¹⁶.

Еще один вид подвесок прикрепляли на специально подготовленных „ободках” (табл. I, 7). Они изготовлены из прямоугольной пластины, края которой согнуты под прямым углом. В первой публикации Г. Оссовский не причислил эти фрагменты к декору головного убора. Сейчас нам известны четко зафиксированные наборы ювелирных изделий для оформления шапочек, в составе которых и „ободки с под-

¹² Рябова В. А., *Женское погребение из кургана Денисова Могила*, „Памятники древних культур Северного Причерноморья”, Киев, 1979, с. 49. Кубышев А. И., *Отчет Херсонской археологической экспедиции*, „Архив НАНУ”, 1980/15, с. 68.

¹³ Рябова В. А., Указ. соч.

¹⁴ Алексеев А. Ю., Мурzin В. Ю., Ролле Р., *Чертомлык. Скифский царский курган IV в. до н.э.* Киев, 1991, Кат. 113, 122, 128, 136.

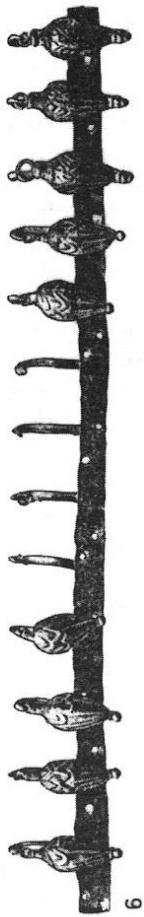
¹⁵ Артамонов М. И., *Сокровища скифских курганов*. Прага-Ленинград, 1966, Рис. 121, 199.

¹⁶ Мозолевский Б. Н., Полин С. В., *Скифский курган Бабина Могила*, „Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС: Тез. докл. Всесоюз. конф.” Москва, 1987, с. 8–9; *Tesori delle Steppes*. Milano, 1995, Кат. 26.

1

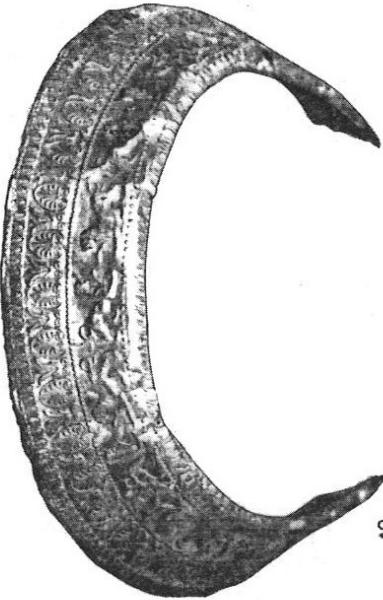
2

6

5

3

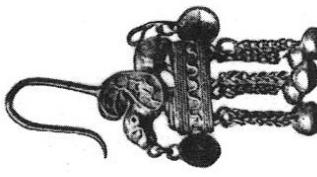
10

8

9

7

Табл. I. Набор декоративных фрагментов головных уборов. 1 — метопида, 2 — метопида с изображением менад, 3 — прямоугольная пластина с растительным орнаментом, 4 — пластинка сложной конфигурации с растительным орнаментом, 5 — ободок пластины с изображением грифона, 6 — полоска с подвесками на цепочках, 7 — ободки с подвесками, 8 — полусферические бляшки, 9 — пластина — украшения калада из к. № 1 в гр. Трехбратных курганов (Крым).

Tabl. I. Zestawienie elementów dekoracyjnych nakrycia głowy: 1 — metopida, 2 — płytka z przedstawieniem Menad, 3 — prostokątna płytka z motywami roślinnymi, 4 — nieforemna paszewka z ornamentem roślinnym, 5 — utamek płytki z przedstawieniem gryfa, 6 — taśma z zawieszkami na haczykach, 7 — obrysówki z zawieszkami, 8 — półkuliste naszywki, 9 — kolczyki, 10 — taśma — ozdoba kalaftu z kurhanu 1 z grupy Trechbratnych Kurganów (Krym).

Taf. I. Gegenübersetzung der Dekorationselemente der Kopfbedeckung: 1 — Metopida, 2 — eine Platte mit Menanddarstellung, 3 — rechteckige Platte mit Pflanzenmotiven, 4 — unregelmäßig geformte Applikation mit Pflanzenornament, 5 — Rest einer Platte mit Greifendarstellung, 6 — ein Band mit Anhängern auf Haken, 7 — Einfassungselemente mit Anhängern, 8 — halbkugelförmige Applikationen, 9 — Ohrringe, 10 — eine Platte als Zierelement eines Kalafs aus dem Kurgan 1 der Gruppe der Trechbratnich Kurganov (Krim).

весками” (курганы Чертомлык; Деев; Куль-Оба; № 22 (п. 2) у с. Вольная Украина Херсонской обл.; № 8 (п. 2) у с. Водославка; № 21 у с. Каменка Николаевской обл.; Сахнова Могила (с. Белозерка, Запорожской обл.)¹⁷.

В публикации Г. Оссовского отмечены еще некоторые виды украшений головного убора: маленькие полусферические пластинки (табл. I, 8). Правда их осталось очень мало, поэтому сейчас трудно определить способ их применения.

В целом комплект украшений из женского захоронения БРК типологически близок декоративным наборам из ряда курганов Скифии: Чертомлык (напомним: здесь найдены остатки четырех похожих между собой шапочек), Деев, Куль — Оба, № 22 у с. Вольная Украина, № 8 (п. 2) у с. Водославка, Толстая Могила¹⁸. Все они содержат элементы, по которым в общих чертах можно представить убор в виде цилиндрической шапочки. Это так называемые „формообразующие” детали: дугоподобные и прямоугольные пластины (очевидно, они играли основную роль в художественном оформлении), „ободки с подвесками”, „полоски с подвесками на стойках” (дополнительные декоративные средства). Они отражают особенности парадных головных уборов — шапок, назначение которых — демонстрация эстетических знаков. Чтобы получить убор определенной формы, применяли специальные приемы крова, делали каркасы из веточек ивы. Наборы украшений, которые использовали для оформления поверхности шапочек указывают на тип убора. Это так называемый „скифский калаф”. Размещение декоративных средств на их поверхности соответствует принципам прикладного искусства, которые сложились в Северном Причерноморье в IV в. до н.э. В это время заметно стремление к орнаментализму. Узоры из однородных мотив располагают горизонтальными рядами, ярусами. Мастера создают композиции, которые подчеркивают пропорции предметов, выявляют основные линии формы. Большую роль играют дополнительные факторы художественного оформления: „пояски” из ов., „жемчужин” и т. п.

Уборы, которые мы по основному признаку выделяем как „цилиндрические”, были в нарядах скифянок в разных модификациях. Каждый из них имеет индивидуальные черты, которые мы можем определить по украшениям.

Для реконструкции головных уборов (также как и для их конструирования) можно применить мультий или графический методы. Первый предполагает создание формы по деталям на макете, а второй — по расчетам на чертеже. Чтобы воссоздать „рыжановский убор”, воспользуемся и тем и другим способами. Как отмечено ранее, лучше всего особенности формы отражает пластина с изображением менад (табл. I, 2). Вероятно, в нашем распоряжении есть только часть основной детали из Рыжановки, а недостает еще одной или двух. Предположим, что из набора исчезла одна пластина, которая представляет

собой зеркальное отражение оставшейся. Длина двух элементов, соединенных вместе, составит 27 см. Этого достаточно для украшения убора спереди. Муляжное воспроизведение двух пластин дает представление о верхнем и нижнем контурах этой детали оформления (табл. III, 1). Можно воспроизвести абрис элемента декора, состоящего из двух пластин. Ее можно сопоставить с находкой из кургана Старший брат (длина 510 мм по нижнему краю): она украшала невысокий калаф, причем, эллинского облика, то есть в виде корзинки (Табл. I, 10)¹⁹. Нижний край этого убора украшен амфоровидными подвесками. Вероятно, ободки с подвесками из „рыжановского комплекта” также служили для оформления шапочки снизу.

Итак, при отсутствии других фрагментов украшений убора, можно было бы представить, что скифянка из „Рыжановки” имела калаф, подобный тому, который носила женщина, погребенная в кургане Старший Брат (группы Трехбратных курганов). Но так как у нас есть и другие находки, то используем муляжный метод для определения верхнего края убора. Изображения и археологические материалы позволили выделить группу „скифских калафов” с выступающим верхним краем (табл. II, 2)²⁰. В рассматриваемом наборе декоративных фрагментов есть деталь, которая, вероятно, указывает на своеобразные контуры фронтальной части убора. (табл. I, 4). Абрис пластины вызывает предположение, что очертания верхнего края аналогичны шапке, восстановленной по материалам из кургана Толстая Могила²¹. По полоске „с подвесками на стойках” можно вычислить длину пластины, которая определяет своеобразие „скифского калафа”. М. И. Ростовцев обратил внимание, что эти полоски всегда прямые, без изгибов, которые непременно возникли бы, если их прикрепляли на цилиндрической поверхности²². Правда, Г. Н. Боровка, реконструируя уборы из Чертомлыка, допускал незначительные изгибы²³. Сейчас мы видим, что „подвески на стойках” крепили на выступающей части убора, но они не подвергаются деформации (табл. III).

Пространство между „фигурной пластиной” и основной деталью, вероятно, было заполнено аппликациями — пластинками с растительным орнаментом и изображениями грифона (табл. I, 7). Это предположение возникает на основании изучения остатков уборов в различных захоронениях: как правило, скифы заполняли золотом всю поверхность, особенно, фронтальную часть. Как указывает Б. Н. Мозолевский, использовали даже мелкие обрезки пластинок²⁴.

¹⁹ Кирилин Д. С., *Трехбратные курганы в районе Тобецкого озера, „Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья*, Ленинград, 1968, с. 183.

²⁰ Ключко Л. С., *Скифский калаф...*, с. 90–96.

²¹ Мозолевский Б. М., *Товста Могила*, Киев, 1979, с. 200–201; Рис. 133.

²² Ростовцев М. И., Указ. соч.

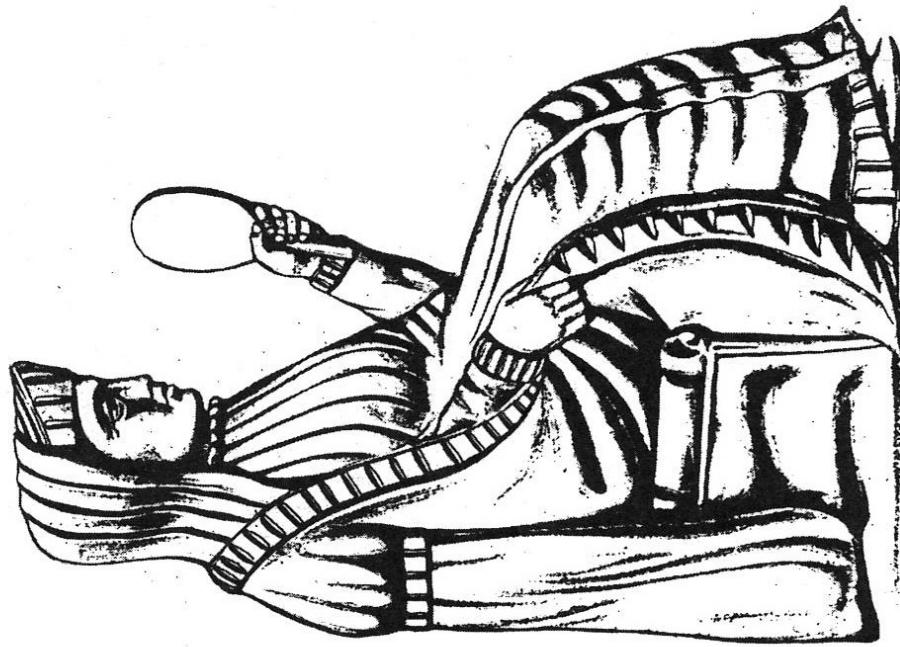
²³ Боровка Г. Н., Указ. соч.

²⁴ Мозолевский Б. М., *Товста Могила...*, с. 200.

¹⁷ Ключко Л. С., *Скифский калаф...*, с. 90–96.

¹⁸ Мирошина Т. В., Указ. соч.

2

1

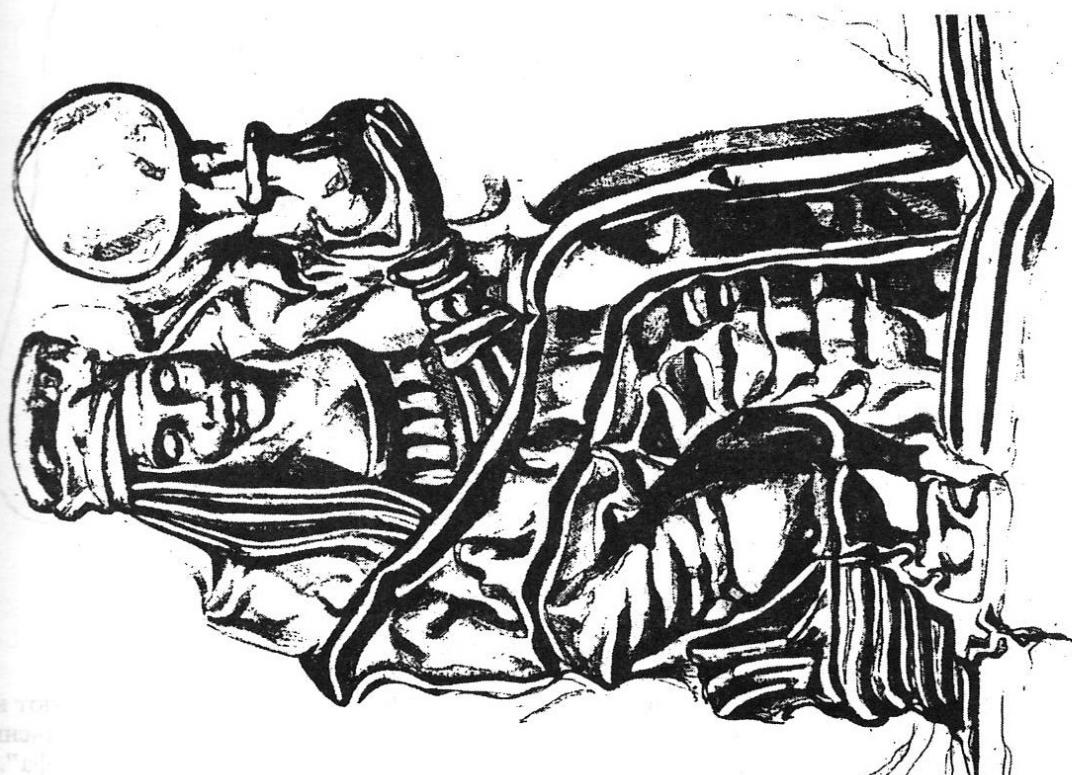

Табл. II. Изображения斯基фянок на памятниках торевтики: 1 — пластина из с. Сачновка (Черкасская обл.), 2 — пластина из к. 5 ус. Носаки (Запорожская обл.).

Tab. II. Przedstawienia Scytiek na wytworach greczej torewtyki: 1 — płytki ze wsi Sachnovka (obl. Cerkassy), 2 — płytki z kurhanu 5 we wsi Nosaki (obl. Zaporoże).

Taf. II. Darstellungen der skythischen Frauen auf den Erzeugnissen der griechischen Toreutik: 1 — eine Platte aus dem Dorf Sachnovka (Obl. Čerkassy), 2 — eine Platte aus dem Kurgan 5 im Dorf Nosaki (Obl. Zaporožje).

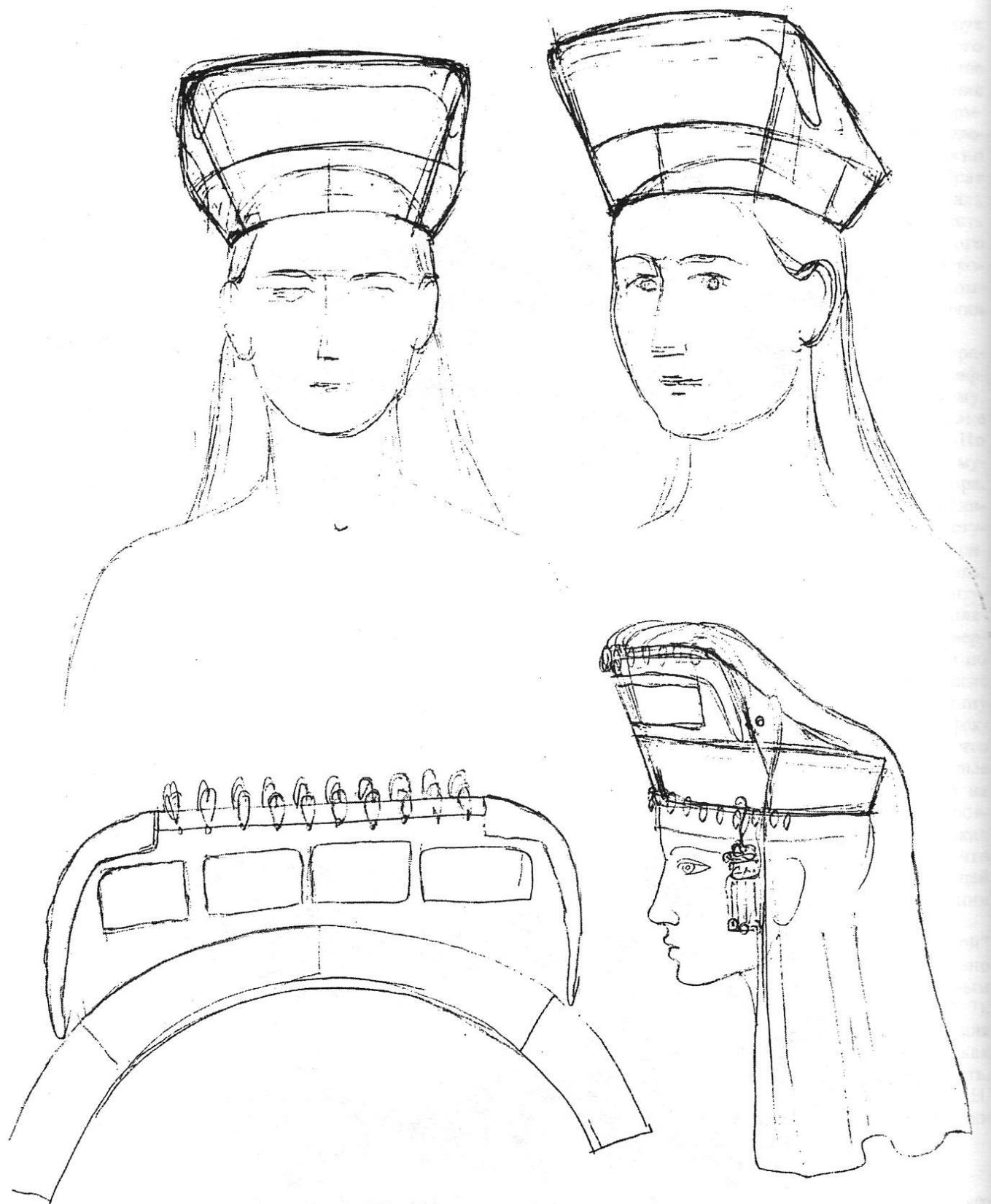

Табл. III. Схема размещения украшений на головном уборе цилиндрической формы.

Tab. III. Schemat rozmieszczenia ozdób na cylindrycznym nakryciu głowy.

Taf. III. Schematische Verteilung von Schmuckelementen auf einer Kopfbedeckung von zylindrischen Form.

Все элементы прикрепляли ритмичными рядами, которые, наверное, не примыкали друг к другу, а были отделены промежутками. Эти цветные полоски между ярусами — также одно из средств художественного оформления убора.

Характер украшений, которые составляют набор из БРК, свидетельствует, что они предназначены для декора лицевой части „скифского калафа“. Неукрашенная часть, очевидно, была закрыта накинутым сверху покрывалом. Возможно, оно также было

расшито золотыми пластинками, но это не зафиксировали исследователи.

Итак, изучение изобразительных и археологических материалов, анализ размещения украшений — все это дает основания автору статьи и художнице З. А. Васиной реконструировать головные уборы: ленту, „скифский калаф”, покрывало, которые были в наряде девочки в боковой могиле БРК. (рис. 1). Мы предполагаем, что шапка красного цвета, а покрывало — нежно — розового, подчеркнутые золотым сиянием аппликаций, сережек — отражают вкусы элиты скифского общества, которое в это время особенно подражало эллинским.

Обращает на себя внимание форма шапки. По археологическим материалам восстановлены уборы щитовидной формы, которые напоминают греческие калафы, т. е. уборы в виде корзинки: курган Тетянина Могила, №21 у с. Каменка²⁵. Рыжановский убор, на наш взгляд, очертаниями и деталями, напоминает стефану. Вспомним, например, один из сосудов, найденных в Фанагории, который изображает Афродиту. На голове богини пышная стефана, оформленная сверху треугольными выступами или клиньями²⁶. Как отметил Б. В. Фармаковский: „Золотые волосы и ярко красная с золотыми лучами и звездами стефана обрамляют голову Афродиты в виде лучезарного нимба и характеризуют богиню, как источник сияния, света. Перед нами Афродита Небесная, Урания. Свет есть жизнь в исконных представлениях всех народов”. Возможно, эту деталь — лучи-клины — имитируют полоски „с подвесками на стойках”.

С головным убором связаны и серьги. В Рыжановке найдена пара золотых — уникальные ювелирные изделия, и одна бронзовая — в виде кольца с нанизаной на него бусинкой. Золотые украшения представляют собой скульптурное изображение крылатой львицы на постаменте. К его нижней части на цапочках подвешены шарики, а к мордочке и хвосту львицы — прикреплены диски. На постаменте и крылатых львицы видны рельефные узоры, выполненные в технике скани, вероятно, заполненные когда-то эмалью. Эти серьги, наверное, носили на налобной ленте.

Бронзовая серьга найдена возле ног погребенной, вместе с бронзовым браслетом²⁷. Оба эти украшения отражают какие-то скифские обычаи. Кольцевидные серьги — наиболее древние по происхождению. По представлениям многих народов они обладали особыми магическими качествами. Интересно, что целый ряд скифянок, похороненных по пышному ритуалу, с многочисленными знаками социального преимущества имели кольцевидные серьги (Черто-

млык, Толстая Могила, к. 22 у с. Вольная Украина). Можно предположить, что оба „кольца” (серьга и браслет) — украшения детского наряда „рыжановской” скифянки. При переходе в другую возрастную группу она получила богатые золотые ювелирные изделия, но в погребение положили вещи, обладающие особой „защитной” силой.

Реконструкция одежды также возможна на основании анализа памятников изобразительного искусства и археологических остатков. Изучение этих источников позволило представить, как выглядели разные виды одежды, ее локальные особенности²⁸.

Мы предполагаем, что скифы применяли горизонтальные ткацкие станки, на которых получали полотнища шириной около 40 см²⁹. Наплечной одеждой скифянок были халаты, платья, куртки, которые изготавливали из сукна, льняных и конопляных материалов, в редких случаях даже шелка. Женщины выработали простые приемы приспособления ткани к туловищу, которые все же позволяли получить одежду красивого силуэта. Ее шили из двух полотнищ, перекинутых через плечи, или из одного центрального и боковых вставок в зависимости от ширины ткани. Собственно, край в нашем понимании, то есть — применение шаблонов, скругление проймы, вытачки и т. п. — появился, вероятно, только в средневековье. Как показали находки в Ютландии (XIV в. до н.э.), способы создания одежды в древности отличает конструктивная простота, основанная на использовании в качестве деталей прямоугольных отрезков ткани³⁰.

Из перечисленных вещей халаты — широкое, распашное одеяние с меховой опушкой и преувеличенно длинными рукавами — подчеркивали аристократическое превосходство своих владелиц (табл. II). Другие предметы: платья и куртки, так как они практичны, удобны — могли быть у женщин и в повседневной жизни. Парадный вид им придавали узоры из золотых пластинок на рукавах, швах, вороте и подоле, которые выделяли одежду аристократок.

Археологические остатки одежды в БРК — золотые пластинки — аппликации. До нас дошли многочисленные украшения, которые можно отнести к декору каких-то одежд: всего 390 золотых пластин треугольной и круглой формы. Расположение некоторых из них зафиксировано *in situ*. Это пластинки — треугольники с пуансонным орнаментом и бляшки в виде больших розеток. Г. Оссовский отмечает, что две разновидности „пирамидок” (37 экземпляров h — 18 мм, 5 экземпляров — h — 16 мм) были уложены вершинами вниз в три ряда, поперек груди, так, что образовали два участка³¹. В каждом ряду компактно слева и справа были пришиты по 7

²⁵ Ключко Л. С., Мурзін В. Ю., Ролле Р., *Реконструкція ювелірного убору з кургану Тетянина Могила*, „Археологія”, 1985, № 1, с.

²⁶ Фармаковский Б. В., *Три полихромные вазы в форме ступиц* найденные в Фанагории, „Записки Рос. Академии истории материальной культуры”, 1921, Вып. 1, с. 7.

²⁷ Ossowski G., *Wielki kurhan Ryżanowski...*, с. 27, tabl. VI, fig. 3, 4.

²⁸ Ключко Л. С., *Верхній плечовий одяг скіфів*, „Археологія”, 1984, № 47, с. 57–68. Ключко Л. С., *Плечовий одяг скіфянок*, „Археологія”, 1992, № 3, с. 95–106.

²⁹ Гаген-Торн Н. И., *Женская одежда народов Поволжья: Материалы к этногенезу*, Саратов, 1960, с. 37.

³⁰ Munksgaard E., *Oldtidsdragter*, Kobenhavn, 1974, с. 207.

³¹ Ossowski G., *Wielki kurhan Ryżanowski...*, с. 24, tabl.VI, fig. 14.

пластин, длина украшенной полосы около 20 см, ширина — 54–55 мм. Просвет между декорированными участками показывает, очевидно, что в этом месте был разрез. Из этнографических наблюдений известно много примеров расположения декора на груди. Эта стойкая традиция находит объяснение в обереговой роли украшений (у народов Поволжья есть даже название для таких узоров: „сторож груди“)³². Можно представить, что платье сшито из одного полотнища, перекинутого через плечи, для головы сделан разрез, окончания которого покрывают нашитые аппликации. К центральному стану пришиты рукава, которые, вероятно, также были расшиты пластинками. Для этого больше всего подходят розетки небольшого размера (приблизительно одинаковые — d в среднем 19 мм): их общее количество 47 экземпляров, если представить, что они были прикреплены вдоль рукавов, то длина каждой орнаментальной полосы составит около 45 см. Наверное, и другие типы круглых пластин также служили аппликациями на платье. Так, известно, что обшлага рукавов украшали бляшками. Возможно, совсем мелкие розетки были нашиты на манжеты: 50 бляшек по 25 экземпляров на каждом рукаве, таким образом вычислим их ширину — 20 см³³. Под рукавами при таком способе кроя пришивали вставки. Зная, что владелица платья была маленькая, хрупкого телосложения, думаем, что такие вставки нужны были только для расширения платья в подоле, т.е. они имели вид клиньев.

Пластины в виде ажурных розеток, расположение которых четко отмечено, вероятно, украшали пояс (21 экз., d — 31–32 мм)³⁴. Этнографические материалы, работы по истории костюма свидетельствуют, что пояс носили женщины земледельческих народов. Остатки пояса найдены среди декоративных фрагментов наряда скифянки, погребение которой исследовано в к. 4 у с. Новоселки Черкасской обл.³⁵ Вероятно, эта деталь характерна для костюмов жительниц Лесостепного региона, ее следует рассматривать как одну из этнолокальных черт костюма.

Другой этнолокальный признак — бронзовая гвоздевидная булавка. Подобные изделия использовали и как застежки для одежды, и для закрепления покрывал на головном уборе. Величина шпильки из „рыжановского“ набора говорит о том, что ее применяли в какой-то распашной наплечной одежде, возможно, верхней — для халата или накидки.

Археологические источники позволили установить, что скифянки носили короткие сапожки и туфельки. Их шили из мягкой, эластичной кожи, а в богатом праздничном костюме украшали золотыми аппликациями (пластиинки с изображением цветов арацеи, крестов, треугольников), которые с магическими

³² Гаген-Торн Н. И., Указ. соч., с. 42.

³³ Ossowski G., *Wielki kurhan Ryżanowski...*, с. 26, tabl. III, fig. 16–19.

³⁴ Ossowski G., *Wielki kurhan Ryżanowski...*, с. 20, tabl. III, fig. 22.

³⁵ Bydlowski L., *Mogiły w Nowosiolce, „Światowit”*, 1904, t. V, с. 59–63.

целями размещали на швах) (табл. IV)³⁶. В публикации Г. Оссовского отсутствуют материалы для реконструкции обуви „рыжановской“ скифянки. Мы можем предположить, что она соответствовала одному из типов башмачков, восстановленных по находкам.

Итак, мы представляем, что скифянка из БРК была одета в красно-коричневое платье (ткань такого цвета был на костях, как отмечает Г. Оссовский), обута в красные туфельки. Все это сочетается с золотым сиянием аппликаций и съемных украшений (рис. 2).

Ювелирные изделия, которые относятся к разряду съемных украшений, служили и средствами оформления наплечной одежды. Так, в „рыжановском“ комплекте привлекает внимание ожерелье, которое состоит из элементов разных типов³⁷. Это медальоны с рельефным изображением розетки на лицевой стороне и гладкой пластиной на обороте. Детали другого типа: X — образной формы, сделаны по той же схеме: верхняя пластина с выпуклым узором, нижняя — гладкая. Сверху на каждом припаяно ушко, а снизу — проволочные колечки, к которым прикреплены подвески. Завешает цепочку фигурная пластина — застежка. Сохранилась только часть ожерелья. По аналогии с подобными украшениями (например, находка из к. 4 у с. Новоселки Черкасской обл.) можно представить, как оно выглядело в наряде „рыжановской“ скифянки. Окончания цепочек запрепляли на плечах, так что они служили нагрудными украшениями, которые оформляли также ворот платья. (рис. 1) Существует предположение, что подобные ювелирные изделия были истмиями — короткими ожерельями, которые полностью охватывали шею. Эллинские женщины носили истмии еще во времена Гомера³⁸. Возможно, цепочки из отдельных элементов и закрепляя на плечах, и носили как истмии (заимствовав такой способ у гречанок). Украшения такого типа найдены в богатых захоронениях в разных регионах Скифии. Вместе с другими золотыми украшениями они создавали парадный комплект, в котором все элементы взаимосвязаны, отражают основную идею образного строя костюма.

В перечне съемных ювелирных изделий „рыжановского“ набора декоративных фрагментов есть и украшения для рук — браслеты и перстни³⁹. Золотой и серебряный спиральные браслеты сделаны из круглой в сечении проволоки. Окончания серебряного — полусферические углопления. Золотой браслет был надет на правую руку, а серебряный — на левую. Вероятно, их надевали поверх одежды и воспринимали в сочетании с декором рукавов. Все вместе украшения играли роль оберегов. Так как в комплек-

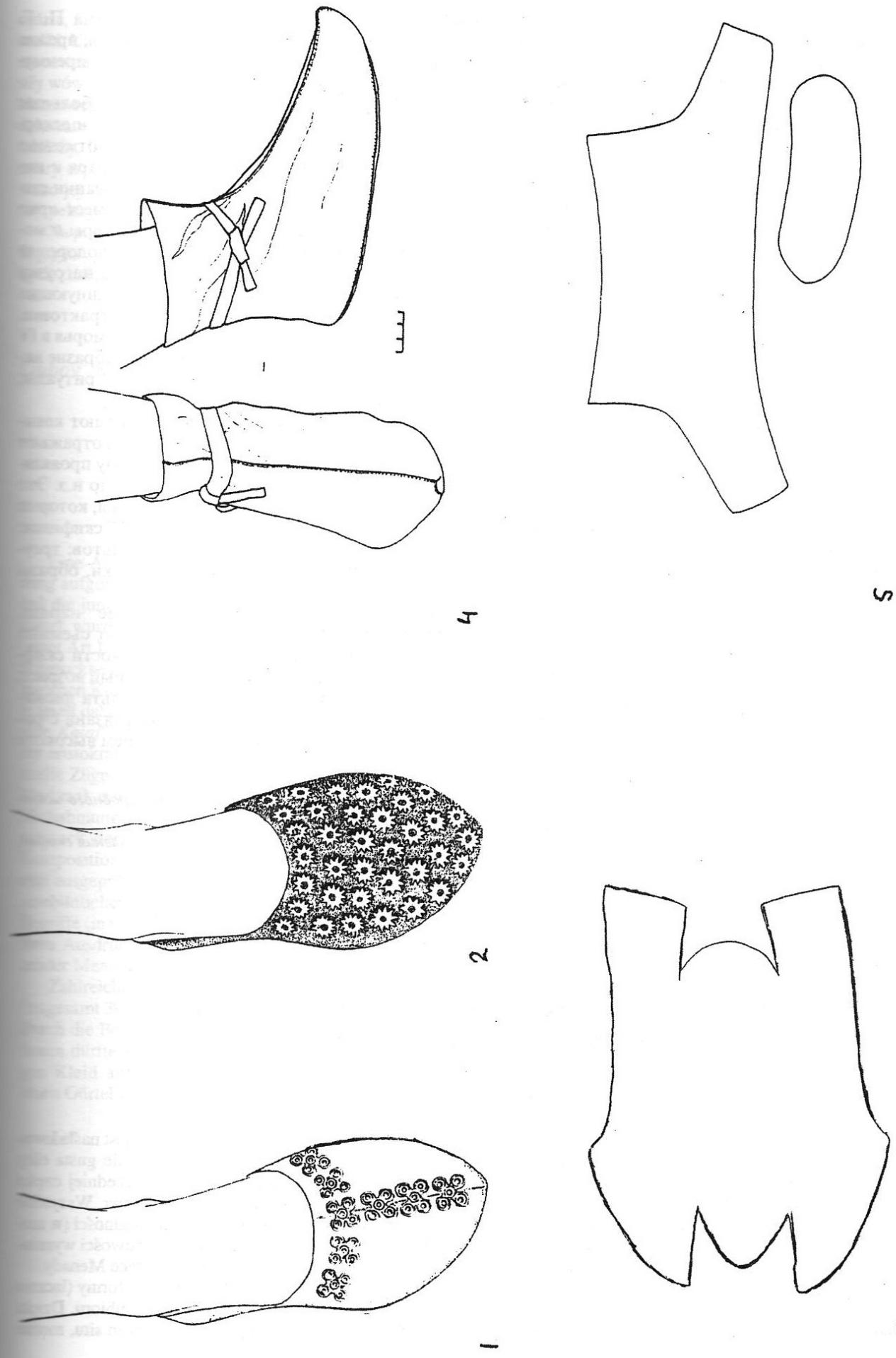
³⁶ Ключко Л. С., *Скифская обувь*, „Российская археология“, 1992, № 2, с. 26–33.

³⁷ Ossowski G., *Wielki kurhan Ryżanowski...*, с. 19, tabl. III, fig. 9.

³⁸ Силантьева Л. Ф., *Филигранные бусы классической эпохи из некрополей Боспора*, „Из истории Северного Причерноморья в античную эпоху“, Ленинград, 1979, с. 49–59.

³⁹ Ossowski G., *Wielki kurhan Ryżanowski...*, с. 23, fig. 12, 13.

Табл. IV. Реконструкция обуви по находкам из скитских погребений.
 Tab. IV. Rekonstrukcja obuwia na podstawie scytyjskich znalezisk grobowych.
 Taf. IV. Rekonstruktion der Kopfbedeckung der jungen Frau aus der seitlichen Bestattung. Gefertigt von Z. A. Vasina.

те декора убранства „рыжановской” скифянки почти нет стеклянных глазчатых бусин, то металлические браслеты (вспомним, что в наборе есть бронзовый браслет) должны были, по представлениям скифов, обеспечить защиту юной особы. По данным этнографии наручные украшения всегда имели большое значение. Например, у народов Средней Азии они были обязательными, иначе руку воспринимали „нечистой”⁴⁰.

Таким же неотъемлемым элементом костюма были и перстни. Г. Оссовский дает сведения о 8-ми экземплярах. На правой руке надеты 6 перстней: — 2 с монетами, 1 — с гравированным изображениями на щитке (на одной стороне грифон, на другой — пегас), 2 — с гладкими щитками, 1 — амулетный. На пальцах левой руки скифянка носила 1 перстень с гравированным щитком (изображение лука и колчана), 1 — с гладким щитком⁴¹. Все описанные типы — характерный признак скифских костюмов IV в. до н.э. Новые исследования БРК открыли еще один перстень — экземпляр с монетой. По материалам исследований скифского костюма можно отметить, что, как правило, скифянки носили нечетное количество перстней, причем на правой руке больше. В наборах украшений, которые отражают убранство социально выделенных особ, было значительное количество перстней. Например: Толстая Могила — 11, Чертомлык — 10, Деев — 9, Мордвиновский — 6 экземпляров.

Материалы, которые есть в нашем распоряжении, позволяют исследовать праздничный костюм, так как он происходит из погребения. Обряд захоронения относится к сакрализованным действиям, которые занимали важное место в жизни каждого древнего общества, т.е. праздникам. По

определению известного историка костюма П. Г. Богатырева: „Повседневная одежда является, прежде всего, вещью, праздничный костюм — преимущественно знаком”⁴².

Для определения семантики костюма большое значение имеют головные уборы: их форма и декор. Доминантную роль играла шапка. Как отмечено выше, убор „рыжановской” особы относится к цилиндрическим, его особенность — в подражании стефане. Оформление фронтальной части имеет ярко выраженный сакральный характер. Все узоры и мотивы отражают представления о культу плодородия (в широком смысле). Особую смысловую нагрузку несет композиция, которая представляет танцующих менад. Их образы, именно в такой трактовке, появились в искусстве Северного Причерноморья в IV в. до н.э. Скифологи не раз отмечали своеобразие иконографии, которая отражает обряды, ритуалы, принятые в скифской среде⁴³.

Возможно, изображения менад позволяют конкретизировать их символику. Вероятно, они отражают культ Диониса, приверженность к которому проявляют представители скифской элиты в IV в. до н.э. Это подтверждают все изобразительные мотивы, которые составляют декор костюма „рыжановской” скифянки: они замкнуты на идею дионисийских культов: треугольники — виноградные гроздья, розетки, образы Сатира.

Художественно-образное оформление наряда, форма головного убора, полный комплект съемных украшений говорят об особой выделенности скифянки. Возможно, на нее, несмотря на ее юный возраст, были возложены жреческие функции культа дионисийского круга. Эта роль могла быть связана с родовыми традициями, а также — следствием высокого социального положения.

⁴⁰ Широкова З. А., *Традиционная и современная одежда женщины Горного Таджикистана*, Душанбе, 1976, с. 111.

⁴¹ Ossowski G., *Wielki kurhan Ryżanowski...*, с. 21–22, fig. 9–11.

⁴² Богатырев П. Г., *Вопросы теории народного искусства*, Москва, 1971, с. 307.

⁴³ Бессонова С. С., *Религиозные представления скифов*, Киев, 1983, с. 75.

Ljubov' Kločko

Rekonstrukcja stroju kobiety pochowanej w bocznym grobowcu Wielkiego Kurhanu Ryżanowskiego

Streszczenie

Na podstawie analizy złotych blaszek-aplikacji, którymi obszywano nakrycia głowy i wierzchnię odzież sądzimy, że młoda Scytyjka została pochowana w bogatym, odświętnym stroju. Jej przybranie głowy składało się z taśmy czołowej (rodzaju diademu), czapki i narzutki. Zestaw tych ozdób jest bliski typologicznie dekoracyjnym garniturom z niektórych kurhanów Scytii. Dominującą rolę odgrywała tu czapka, typu cylindrycznego, tzw. „scytyjski kalaf”. Podobne nakrycia nosiły kobiety z arystokratycznego kręgu, jednakże każde z nich ma indywidualne cechy, wyrażone w ozdobach. Oso-

bliwością czapki „ryżanowskiej dziewczyny” jest naśladowanie greckiego *stefane* (wieńca), co znamionuje gusta elity społeczeństwa scytyjskiego. Kompozycja przedniej części nakrycia ma silnie wyrażony, sakralny charakter. Wszystkie wzory symbolizują pojęcia z zakresu kultu płodności (w szerskim znaczeniu). Szczególny ładunek zmysłów wyraźnie jest w kompozycji przedstawiającej tańczące Menady.

Liczne, złote naszywki trójkątnej i kolistej formy (łącznie 390 sztuk), służyły za ozdoby jakichś części ubioru. Dzięki obserwacjom dotyczącym zaledania aplikacji *in situ*, można

sądzić, że były one naszyte na suknię, o kroju zbliżonym do tuniki. Uzupełniał ją pas z ażurowych, złotych rozetek, przy-mocowanych niewątpliwie do tekstylnego podłoża. Pasy nosiły wówczas mieszkańców obszarów leśno-stepowych. Inny etniczno-regionalny element w tym stroju, to brązowa, gwoździanowata szpila. Podobne przedmioty używano do spinania oszkieży, lub mocowania narzutki na nakryciu głowy. Rozmazy szpili z „ryżanowskiego garnituru” świadczą, że używano jej do spinania jakiejś wierzchniej szaty typu chałatu czy peleryny.

Na podstawie analogii sądzimy, że obuwie „ryżanowskiej Scytyjki” przypominało buciki, odtworzone na podstawie innych znalezisk.

Analiza elementów dekoracyjnych, przedstawień figuralnych i analogicznych znalezisk, pozwala nam przypuszczać, że Scytyjka z kurhanu ryżanowskiego była ubrana w czerwono-brązową suknię i obuta w czerwone pantofelki. Wszystko to pięknie harmonizowało ze złotym blaskiem aplikacji.

W skład omawianego garnituru wchodziły też liczne ozdoby nakładane: kolczyki, naszyjnik ze złotych segmentów, bransolety i pierścienie. Tworzą one zestaw biżuterii wyróżniającej kobietę o wysokiej randze społecznej, pełniące funkcje kapelanek. Tego typu komplety ozdób są przy tym charakterystyczne dla biżuterii młodych kobiet, być może matek młodszych synów.

Ljubov' Kłocko

Rekonstruktion der Tracht einer Frau aus der seitlichen Bestattung des Großen Ryżanovka-Kurgans

(Zusammenfassung)

Eine Analyse der auf Kopfbedeckungen und Überkleidung aufgenähten Blechapplikationen lässt die Annahme zu, daß die junge Skythin in reicher, festlicher Bekleidung bestattet wurde. Ihr Kopfputz bestand aus einem Stirnband (einer Art Diadem), einer Mütze und einem Umhang. Dieser Schmuckbestand kommt typologisch den Ziergarnituren aus manchen Kurganen Skythiens nahe. Die vorherrschende Rolle spielt dabei die Mütze von zylindrischem Typ, der „skythische Kalaf“. Ähnliche Kopfbedeckungen trugen die Frauen der aristokratischen Schicht, doch jede von ihnen hat individuelle Züge, was den Schmuckbestand betrifft. Eigenartiges Merkmal der Mütze der „Frau von Ryżanovka“ ist die Nachahmung der griechischen *stefane* (Kranz), was den Geschmack der skythischen Oberschicht widerspiegelt. Die Komposition des vorderen Teils der Kopfbedeckung trägt eine ausgeprägten sakralen Charakter. Sämtliche Muster ver-simbilichen die mit dem Fruchtbarkeitskult verbundenen Begriffe (in weitem Sinne). Die besondere Sinnlichkeit findet ihren Ausdruck in der Komposition mit der Darstellung tanzender Menaden.

Zahlreiche dreieck- und kreisförmige Goldapplikationen (insgesamt 390 Stück) zierten wohl irgendwelche Trachteile. Durch die Beobachtungen der Lagerung *in situ* der Applikationen dürfte zu vermuten sein, daß sie an einem tunikaartigen Kleid aufgenäht waren. Dieses wurde ergänzt durch einen Gürtel aus durchbrochenen Goldrosetten, die zweifel-

los auf einer Textilunterlage befestigt waren. Die Gürtel wurden damals von den Bewohnerinnen der Waldsteppenzone getragen. Ein anderes ethnisch-regionales Element stellt bei dieser Tracht eine nagelförmige Nadel dar. Ähnliche Gegenstände dienten zum Festbinden der Bekleidungstücke oder zur Befestigung des Umhangs auf der Kopfbedeckung. Die Abmessungen der Nadel aus der „Ryżanovka-Garnitur“ legen ein Zeugnis davon ab, daß sie beim Festbinden eines Obergewandes von der Art eines Kaftans oder einer Pelerine benutzt wurde.

Auf Grund der Vergleichsstücke ist es naheliegend anzunehmen, daß das Schuhwerk der Skythin von Ryżanovka den auf der Grundlage anderer Fundstücke dieser Kategorie rekonstruierten Schuhen nahekommt.

Eine Analyse der Dekorationselemente, der figürlichen Darstellungen und gleichartiger Funde läßt die Annahme zu, daß die Skythin aus dem Großen Ryżanovka-Kurgan ein rotbraunes Kleid und rote Pantoffeln anhatte.

Der behandelten Garnitur gehörten auch zahlreiche Schmuckgegenstände an: Ohrringe, ein Halsring aus Goldsegmenten, Arm- und Fingerringe. Sie bilden eine Schmuckgarnitur, die für Frauen kennzeichnend ist, die einen hohen gesellschaftlichen Rang einnahmen und die Funktion von Priesterinnen bekleideten. Derartige Schmuckgarnituren sind dabei kennzeichnend für junge Frauen, möglicherweise die Mütter jüngerer Söhne.

Табл. V. Реконструкция головного убора молодой скифянки из бокового захоронения. Худ. З. А. Васина

Tabl. V. Rekonstrukcja nakrycia głowy młodej kobiety z bocznego grobowca. Wyk. Z. A. Vasina
Taf. V. Rekonstruktion der Kopfbedeckung der jungen Frau aus der seitlichen Bestattung
Gefertigt von Z. A. Vasina

Табл. VI. Реконструкция одежды молодой скифянки из бокового захоронения. Худ. З. А. Васина
Tabl. VI. Rekonstrukcja stroju młodej kobiety z bocznego grobowca. Wyk. Z. A. Vasina
Taf. VI. Rekonstruktion der Tracht der jungen Frau aus der seitlichen Bestattung. Gefertigt von Z. A. Vasina